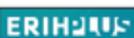

Дугаров Б. С. Мотив партеногенеза: уранический фактор и фольклорная традиция / Б. С. Дугаров // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 110—120. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-110-120.

Dugarov, B. S. (2021). Motive of Pparthenogenesis: the Uranian Factor and Folklore Tradition. *Nauchnyi dialog, 1*: 110-120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-110-120. (In Russ.).

УДК 398.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-110-120

МОТИВ ПАРТЕНОГЕНЕЗА: УРАНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ¹

© Дугаров Баир Сономович (2021), orcid.org/0000-0001-6885-7658, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), khairkhan@mail.ru.

Рассматривается мотив партеногенеза, связанный со значимостью уранического фактора в верованиях кочевнических обществ Центральной Азии и в идеологических установках правящей элиты. Отмечается, что печать небесного происхождения степных правителей — от хуннов до тюрков и монголов — выступала гарантом легитимности и сакрализации их верховной власти. Проводится сопоставительный анализ данного феномена на примере легенд о Таньшихае и Амбагане — основателях сяньбийской и киданьской держав, а также о Бодончаре — предке Чингисхана. Особое внимание уделяется солярному мифу об Алан-гоа — родоначальнице ханского рода борджигин, а также легенде о рождении Тэмуджина с чудесным знаком избранничества, имеющим аналогии в тюрко-монгольских эпических сказаниях. Новизна исследования видится в привлечении для анализа разновременных устных генеалогических мифов и письменной версии, содержащейся в «Сокровенном сказании монголов» и обнаруживающей также фольклорные истоки. Утверждается, что все эти сюжеты, относящиеся к разным эпохам и этническим образованиям, типологически близки друг другу, объединены сходным мотивом партеногенеза. Делается вывод, что данное обстоятельство свидетельствует о единой тэнгрианской доминанте в мировоззрении и этнокультурной традиции кочевников, обусловившей актуальность идеи небесного генезиса властителей Великой степи и нашедшей отражение в фольклоре.

Ключевые слова: мотив; фольклор; генеалогические легенды; партеногенез; культ неба; кочевники.

1. Введение

Идея сакрализации верховной власти у правящих кланов древних государственных образований Центральной Азии, покоящаяся на значимо-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, № АААА-А17-117021310268-2).

сти уранического фактора, находит оригинальное отражение в фольклоре тюрко-монгольских народов. Речь идет о генеалогических мифах, повествующих о чудесном зачатии или рождении правителей кочевнических сообществ. Этот фольклорный мотив, именуемый партеногенезом, служил своего рода идеологическим обоснованием легитимности кагана и его властвующего клана. Особое место в нарративах о небесном происхождении занимает сакрализованная история «царя царей, хана над всеми», изложенная в «Сокровенном сказании». Этот историко-литературный памятник, обладающий эпическим дыханием, композиционно выстроен таким образом, чтобы показать прежде всего генеалогию рода Чингисхана, историю его предков, основанную на клановых преданиях, с целью высветить легитимность власти первого общемонгольского хана в глазах не только его соплеменников, но и всего кочевого мира того времени.

2. Мифы о Танышхиае и Амбагане

Один из ранних известных сюжетов на тему партеногенеза связан с Танышхиаем (II в. н. э.), впервые объединившим протомонгольские племена — сяньбийцев в единое государство. Будущий правитель, согласно мифу, рождается от матери, проглотившей под раскаты грома упавшую ей в рот градинку и вскоре после этого забеременевшей. Мальчик с самого рождения выказывал признаки необычного человека, выделяясь умом, физической силой и храбростью, чем вызывал удивление у старейшин. Особенно впечатлили окружающих его решительные действия по отношению к грабителям, угнавшим коров, принадлежавших матери. Подросток не только догнал на своем коне грабителей, но и расправился с ними, а также вернул весь скот. Этот геройский поступок поднял авторитет Танышхиае среди соплеменников. Он заложил основы для мудрого правления, был избран старейшиной [Бичурин, 1950, с. 154].

Приведем еще один нарратив, повествующий о небесном происхождении Елюй Амбагана, создателя державы киданей или империи Ляо (907—1125). Матери будущего императора перед его рождением приснилось, что в грудь ее как будто вошло солнце. Ребенок, родившись, выглядел как трехлетний младенец, рано встал на ноги и, будучи годовалым, заговорил. С самого детства мальчик отличался крепостью тела и гибкостью ума, великодушием и воинскими качествами всадника. Мастерски владел луком, при растяжке которого демонстрировал недюжинную силу, и мог пробивать стрелой железо. Однажды ночью испуганные приближенные стали свидетелями сияния света над местом, где спал Елюй Амбаган. Это сочли знаком, подтверждающим его высокое происхождение как правителя. Он

принял имя Тяньхуан-ван — Небесный император — и прославился среди всех соотечественников [Е Лун-ли, 1979, с. 41—42].

Вышеприведенные рассказы, несмотря на то что речь в них идет о персонажах, живших в разных эпохах, имеют сходную событийную структуру и ряд совпадений фольклорного характера в сюжетном действии. Особенно это касается мифологического посыла о чудесном рождении. В связи с этим уместно напомнить о любопытных пояснениях Н. Я. Бичурина к историческим источникам, в которых он, в частности, указывал на существование в Азии «вымыслов, обыкновенно составляемых о рождении знаменитого человека», к таковым, по его мнению, относится и сяньбийская легенда о небесной градинке [Бичурин, 1950, с. 154].

Действительно, есть резон полагать, что легендарные рассказы о небесном генезисе степных лидеров опирались на определенную устную традицию, существовавшую у кочевников со стародавних времен и связанную с их натурфилософскими верованиями. Так, одно из самых ранних свидетельств проявления уранического фактора можно уловить в семантике хуннского титула шаньюй — tchen-уи, — который является эквивалентом монгольского тэнгри-кубу — сын неба [Банзаров, 1955, с. 176, 315].

Что касается сюжета о партеногенезе, он вряд ли являлся узкоклановым, принадлежащим исключительно представителям кочевой аристократии. По всей вероятности, он циркулировал изустно по всему тюрко-монгольскому кочевническому ареалу, передаваясь от поколения к поколению. Каганаты рождались и распадались, исчезая навсегда, а эхо устной традиции, вобравшей в себя отголоски старинных преданий, отзывается до сих пор в родословных современных народов. Например, мотив «небесной градинки» выявляется в генеалогических мифах, бытующих у алтайского рода мундус и бурятского — хангин. Само существование мифа о небесном происхождении у названных родов говорит об их древних этнических истоках. Так, с сяньбийцами, по мнению ряда ученых, например [Нимаев, 1993, с. 151], связан генезис протобурят хоринского племени, к которому относится род хангин.

3. Соляренный миф об Алан-гоа

Приведенные выше два генеалогических — сяньбийский и киданьский — сюжета при сравнении обнаруживают безусловное типологическое сходство, напоминающее начальную часть «Сокровенного сказания» монголов, в которой повествуется о чудесном рождении Бодончара — предка Чингисхана. Этот нарратив, представляющий литературную обработку устного предания [Гумилев, 1970, с. 461], раскрывает образ Бодонча-

ра через родословную его рода борджигин. Будучи младшим из братьев, он отличался от них смекалкой, самостоятельностью и страстью к соколиной охоте, воспитавшей в нем воина и стремление к лидерству. Эти качества помогли ему стать во главе подчинившегося ему племени.

Центральным же персонажем в семейной хронике о Бодончаре является его мать Алан-гоа, поскольку с ней связан знаковый миф о происхождении борджигинов. Повествование о ней, ее замужестве, рождении и воспитании детей, к которым обращена назидательная притча о пяти хвостинах, занимает 18 параграфов и является фактически исходным «узлом» в предыстории возвышения Чингисхана.

По всей видимости, миф об Алан-гоа, судя по содержанию, относится к разряду клановых воспоминаний, передаваемых из уст в уста в течение многих поколений и обретших глубокий смысл в интерпретации автора «Сокровенного сказания», которому важно было показать уранические истоки родословной Чингисхана и тем самым сакрализовать его право на роль создателя монгольского государства. Сам образ Алан-гоа, согласно сюжету, выписан в положительных тонах: она «красивая, очень знатного рода», подчеркивается статус ее родителей: отец Хориларгай-Мэргэн — нойон Хори-Туматский, а мать Баргуджин-гоа — дочь Баргудай-Мэргэна, правителя страны Баргуджин-Тукум. Выйдя замуж за Добун-Мэргэна, потомка праотца монголов Буртэ-Чино в двенадцатом колене, Алан-гоа рождает от него сыновей — Бугунотая и Бельгунотая. После скорой кончины мужа она, оставшись вдовой, родила еще трех сыновей.

Это вызвало тайные пересуды у родившихся от Добун-Мэргэна старших двух сыновей. Тогда мать решается приподнять завесу над тайной рождения трех своих младших сыновей.

Об этом повествует «Сокровенное сказание» устами самой Алан-гоа: «Вы, двое сыновей моих, Бельгунотай и Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: “Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?” Подозрения-то ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда солнце закатилось, а луна еще не взошла, входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди!» [Козин, 1941, с. 81].

Слова Алан-гоа, обращенные к сыновьям, проецируются прежде всего на самого младшего из них — Бодончара, которому было суждено стать во главе рода борджигин. Этой генеалогической версии и служит вышеприведенный рассказ Алан-гоа о ее непорочном зачатии, который интерпретируется исследователями как солярный миф о небесном происхождении героя, то есть Бодончара [Неклюдов, 1991, с. 180].

Важно отметить, что сам нарратив об Алан-гоа и небесном посланнике, сходящем к ней через дымник юрты в виде антропоморфной персонализации солнечного луча, имеет схожие мотивы и сюжеты в фольклорно-мифологической традиции тюрко-монгольских этносов. Так, в прологе бурятского эпоса о Гэсэре праматерь небесных божеств Манзан Гурмэ рождается от солнечных лучей, проникших в лоно ее космической матери Эхэ ехэ бурхан (Великая мать-богиня) [Абай Гэсэр Богдо хаан, 1995, с. 22—23]. Также от лучей солнечного света зачала мать своего сына Огузхана — тюркского культурного героя. В ойратском эпическом произведении «Бужин Даваа» опустившийся в дымовое отверстие юрты золотой столб предвещает рождение сына [Неклюдов, 1988, с. 51].

Подобного рода примеры указывают, что солнце с незапамятных времен относилось к основополагающим культовым объектам у степных nomадов. Естественно, что солярные мотивы нашли значительное отражение в их мифах, легендах и эпических сказаниях. Примечательно, что одно из ведущих племен, составлявших этнический стержень киданей, называлось *наран* (солнечное). Не случайно именно солярный мотив сближает и роднит киданьский миф о чудесном рождении с монгольским текстом [Викторова, 1980, с. 165, 194], в чем видится знак исторической преемственности тэнгрианских воззрений киданей и монголов, учитывая их этническое родство и давние этнокультурные связи. Сюжет о рождении от лучей солнца прямого предка Чингисхана правомерно становится опорной точкой для обоснования идеи избранничества его самого как основателя монгольской империи.

4. Семантика сгустка крови и фольклорные параллели

Элемент партеногенеза, сопряженного со знаком избранничества, содержится и рождение Тэмуджина со сгустком крови в руке. Его описание приводится в «Сокровенном сказании» в следующем фрагменте: *Түрэхүй-дор барагун гар-дор йиен шига-ин тэдүй нодун адхаад түрээжүхүй (төрөхдөө баруун гарта шагайн чинээ нөж атган төржээ)* / А как пришлось родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною в альчик [Козин, 1941, с. 85]. Что касается семантики

сгустка крови, представляется заслуживающим внимания объяснение Рашид-ад-дина (1247—1318) по этому поводу. Он описывает рождение Тэмуджина со сгустком крови как предзнаменование его будущих побед. При этом средневековый историк ссылается на монгольских информаторов — знатоков старины, носителей устной народной традиции [Рашид-ад-дин, 1952, с. 75]. Данная интерпретация находит продолжение в позднейшем по времени памятнике монгольской литературы XIX века «История Эрдэни-дзу», где говорится, что Тэмуджин родился, сжимая сгусток черной крови величиной с игральную бабку, чтобы усмирить двенадцать могучих царей (имеются в виду вожди крупных племенных союзов, покоренных Чингисханом) для создания единого монгольского государства [История Эрдэни-дзу, 1999, с. 113].

Примечательно, что образ запекшегося сгустка крови, являющийся знаком необыкновенного рождения и потенциального могущества Чингисхана, также имеет фольклорные истоки, как и миф о чудесном рождении его предка Бодончара, и встречается в тюрко-монгольских эпических произведениях. Так, в одном из вариантов бурятской Гэсэриады (сказитель О. Хантаев) говорится о рождении Гэсэра:

*Булин хара шуһые
Зүүн ех гарта
Адхаһаар тогдорлоо.*

Сгусток черной крови
В левой большой руке
Сжимая появился [Гэсэр]
[Мадасон, № 18, оп. 1, д. 68, с. 14].

Аналогичный факт рождения Гэсэра со сгустком крови, зажатым в руке, отмечен и в боханском (тороевском) варианте, он встречается также в монгольской версии Гэсэриады и в тибетском «Лин Гэсэре». Подобный мотив рождения Гэсэра рассматривается исследователями как своего рода символ могущества эпического героя [Шаракшинова, 1987, с. 183, 185].

Можно привести еще ряд выразительных примеров. В халхаской былине «Шилэн Галзуу баатар хүү» одноименный герой рождается с кровавым сгустком в кулаке [Цэрэнсодном, 1959, с. 98—99], а в западно-монгольской былине «Ирин сайн Гунын Настай Мекеле» из утробы матери родившийся мальчик, которого ожидала необычная судьба, сжимает в одной руке кровь величиной с барана, в другой — драгоценность с кулак [Потанин, 1883, с. 429]. То же самое происходит в ойратской былине «Эгиль мэргэн», в которой герой рождается с куском запекшейся крови, зажатой в руке, а во рту держит алмазный черный меч [Михайлов, 1962, с. 99]. Семантически схоже рождение будущего богатыря в алтайском героическом сказании «Алтан-Бизе», который появляется на белый свет с черной стрелой в правой руке

(признак будущего воина) и со сгустком черной крови в левой (будет проливать черную кровь врагов). Все это, согласно народным представлениям, предвещает необыкновенную будущность ребенку [Суразаков, 1982, с. 69].

Близкий к этому образ содержит предание о происхождении бурятского рода шуранхан. Его первопредок был найден ребенком, зажавшим в руках по комочку спекшейся крови. Поэтому найденьшу дали имя Шуранхан, точнее — Шухатай ерэнэн Шуранхан ‘родившийся с кровью в руках Шуранхан’ [Михайлов, 1992, с. 3]. Своеобразную интерпретацию этого мотива мы видим в якутском шаманском фольклоре. Обладающий дьявольскими чарами Бюргэтэй-Удаган качает младенца — будущего шамана — в железной колыбели, выкармливая его сгустками запекшейся крови [Ксенофонов, 1992, с. 61].

Судя по всему, мотив сгустка крови в руке является очень древним и, по всей вероятности, исходным для различных модификаций на эту тему. Например, в бурятском сказании «Хан-Гужир» рождается герой, держащий в правой руке знак победы над врагами, в левой — знак зверей, что означало: быть ему непобедимым воином и неутомимым охотником [Хангалов, 1960, с. 244]. В халха-монгольском сказании «Хилин Галзуу баатар» о герое говорится, что он

*Ган төмөр илдийг
Гартаа атгаад төрсөн*

Стальной булатный меч
В руке держа рожден
[Халх ардын тууль, 1991, с. 83].

В алтайском эпосе герой Когюдей-Мерген рождается, сжимая в одной руке девятигранный черный камень, в другой — семигранный серый. Эти камни, обладающие чудесной силой, помогают богатырю в борьбе с враждебными силами [Маадай-Кара, 1973, с. 269, 462].

Как видно из примеров, сгусток крови (нөж / булин), сопутствующий рождению Чингисхана, имеет выразительные параллели в фольклоре народов сибирско-центральноазиатского ареала и обладает в целом положительной символикой и трактовкой.

5. Заключение

Таким образом, мотив партеногенеза, рассматриваемый в контексте религиозно-мифологических воззрений, освященных почитанием неба, осознавался как проявление некой высшей силы, наделяющей небесной благодатью ведущие кланы кочевнических обществ, без которой их власть в сознании номадов считалась нелегитимной. Об этом свидетельствуют сюжеты о Таньшихае и Амбагане, которые являются по своей сути фоль-

кларной интерпретацией биографий известных в Центральной Азии исторических личностей, так как в них просматриваются следы народного мифотворчества, из сокровищницы которого черпали идеи в своих интересах правящие роды.

Мотив партеногенеза особенно рельефно проявляется в происхождении рода Чингисхана, поведенный через миф об Алан-гоа, который в свою очередь сюжетно подкрепляется рождением Тэмуджина со сгустком крови, зажатым в руке как знаком избранничества. В генеалогическом сюжете о чудесном рождении, бытовавшем в устной традиции кочевников и наиболее полно отразившемся в «Сокровенном сказании», обрел своеобразную интерпретацию концепт небесного происхождения: концепт, связанный, во-первых, со значимостью уранического фактора в мировоззрении кочевников и, во-вторых, являющийся в историческом аспекте краеугольным камнем идеологии правящих кланов военно-политических объединений и государственных образований на территории Великой степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абай* Гэсэр Богдо хаан. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 1995. — 521 с.
2. *Банзаров Д.* Собрание сочинений / Д. Банзаров. — Москва : Академия наук СССР, 1955. — 476 с.
3. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. — Москва—Ленинград : Академия наук СССР, 1950. — 381 с.
4. *Викторова Л. Л.* Монголы : происхождение народа и истоки культуры / Л. Л. Викторова. — Москва : Наука, 1980. — 224 с.
5. *Гумилев Л. Н.* «Тайная» и «явная» история монголов XII—XIII вв. / Л. Н. Гумилев // Татаро — монголы в Азии и Европе : сборник статей. — Москва : Наука, 1970. — С. 460—479.
6. *Е Лун-ли.* История государства киданей / Е Лун-ли. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1979. — 607 с.
7. *История* Эрдэни-дзу. — Москва : Восточная литература РАН, 1999. — 254 с.
8. *Козин С. А.* Сокровенное сказание / С. А. Козин. — Москва – Ленинград : Академия наук СССР, 1941. — 619 с.
9. *Ксенофонтов Г. В.* Шаманизм : избранные труды : (публикации 1928—1929 гг.) / Г. В. Ксенофонтов. — Якутск : Северо-Юг, 1992. — 318 с.
10. *Маадай-Кара* : алтайский героический эпос. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. — 474 с.
11. *Мадасон И. Н.* Аалин шэнэнэн бэетэй Абай Гэсэр / И. Н. Мадасон // ЦВРК ИМБТ. Ф. Мадасона И. Н., № 18. Оп. 1. Д. 68.
12. *Михайлов В. А.* Генеалогические легенды Тунки / В. А. Михайлов // Саяны : газета. — 1992. — № 199. — С. 3.
13. *Михайлов Г. И.* О времени возникновения былин монгольских народов / Г. И. Михайлов // Записки / Калмыцкий научно-исследовательский институт языка,

литературы и истории. — Элиста : Калмыцкое книжное изд-во, 1962. — Выпуск 2. — С. 95—102.

14. *Неклюдов С. Ю.* Бодончар / С. Ю. Неклюдов // Мифы народов мира. — Москва : Советская энциклопедия, 1992. — Т. 2. — С. 181.

15. *Неклюдов С. Ю.* Устное предание в становлении исторической литературы монгольских народов / С. Ю. Неклюдов // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии. — Москва : Наука, 1988. — С. 78—84.

16. *Нимаев Д. Д.* О средневековых хори и баргутах / Д. Д. Нимаев // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск : Наука, 1993. — С. 144—166.

17. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии : дневник путешествия. Материалы этнографические / Г. Н. Потанин. — Санкт-Петербург : тип. В. Безобразова и К^о, 1883. — Выпуск 4. — 1029 с. : ил.

18. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей / Рашид-ад-дин. — Москва—Ленинград : Академия наук СССР, 1952. — Т. 1, Кн. 1. — 219 с.

19. *Суразаков С. С.* Из глубины веков / С. С. Суразаков. — Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1982. — 144 с.

20. *Халх ардын тууль.* — Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1991. — 174 с.

21. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений / М. Н. Хангалов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1960. — Т. 3. — 422 с.

22. *Цэрэнсодном Д.* Шилэн Галзуу баатар хүү гэдэг тууль / Д. Цэрэнсодном // Цог. — 1959. — № 4. — С. 95—104.

23. *Шаракшинова Н. О.* Героико-эпическая поэзия бурят / Н. О. Шаракшинова. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 1987. — 304 с.

MOTIVE OF PPARTHENOGENESIS: THE URANIAN FACTOR AND FOLKLORE TRADITION¹

© **Bair S. Dugarov (2021)**, orcid.org/0000-0001-6885-7658, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Department of Literary Studies and Folklore Studies, the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), khairkhan@mail.ru.

The motive of parthenogenesis associated with the significance of the uranian factor in the beliefs of the nomadic societies of Central Asia and in the ideological attitudes of the ruling elite is considered. It is noted that the seal of the celestial origin of the steppe rulers — from the Huns to the Turks and Mongols — acted as the guarantor of the legitimacy and sacralization of their supreme power. A comparative analysis of this phenomenon is carried out using the example of the legends about Tanshihai and Ambagan — the founders of the Xianbei and Khitan powers, as well as about Bodonchar — the ancestor of Genghis Khan. Special attention is paid to the solar myth about Alan-goa, the ancestor of the khan's clan Borjigin, as well

¹ The work was carried out within the framework of the state assignment (project XII.192.1.4. Myth and history in folklore and literature of the Buryats and Russian Siberians: universals and specifics, № AAAA-A17-117021310268-2).

as the legend of the birth of Temujin with a wonderful sign of chosenness, which has analogies in the Turkic-Mongol epic legends. The novelty of the research is seen in the attraction for the analysis of oral genealogical myths of different times and the written version contained in the “Secret Legend of the Mongols” and also revealing folklore sources. It is stated that all these plots related to different eras and ethnic formations are typologically close to each other, united by a similar motive of parthenogenesis. It is concluded that this circumstance testifies to a single Tengrian dominant in the worldview and ethnocultural tradition of the nomads, which determined the relevance of the idea of the celestial genesis of the rulers of the Great Steppe and was reflected in folklore.

Key words: motive; folklore; genealogical legends; parthenogenesis; the cult of the sky; nomads.

REFERENCES

- Abay Geser Bogdo khaan* (1995). Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 521 p. (In Bur.).
- Banzarov, D. (1955). *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. Moskva: Akademiya nauk SSSR. 476 p. (In Russ.).
- Bichurin, N. Ya. (1950). *Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniyye vremena* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moskva-Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 381 p. (In Russ.).
- E Long-li. (1979). *Istoriya gosudarstva kidaney* [History of the Khitan State]. Moskva: Nauka. Gl. redaktsiya vostochnoy literatury. 607 p. (In Russ.).
- Gumilev, L. N. (1970). «Taynaya» i «yavnaya» istoriya mongolov XII—XIII vv. [«Secret» and «explicit» history of the Mongols of the XII—XIII centuries]. In: *Tataro — mongoly v Azii i Evrope: sbornik statey* [Tatar-Mongols in Asia and Europe: a collection of articles]. Moskva: Nauka. 460—479. (In Russ.).
- Istoriya Erdeni-dzu* [The history of Erdeni-dzu]. (1999). Moskva: Vostochnaya literatura RAN. 254 p. (In Russ.).
- Khalkh ardyn tuul'* [Khalkh ardyn tuul]. (1991). Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliyn gazar. 174 p. (In Bur.).
- Khangelov, M. N. (1960). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 3. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izd-vo. 422 p. (In Russ.).
- Kozin, S. A. (1941). *Sokrovennoye skazaniye* [The hidden legend]. Moskva—Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 619 p. (In Russ.).
- Ksenofontov, G. V. (1992). *Shamanizm: izbrannyye trudy: (Publikatsii 1928—1929 gg.)* [Shamanism: selected works: (Publications 1928—1929)]. Yakutsk: Severo-Yug. 318 p. (In Russ.).
- Maaday-Kara: Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroic epic] (1973). Moskva: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 474 p. (In Russ.).
- Madason, I. N. Aaliin sheneen beetey Abay Geser [Aaliyin sheneen beetei Abai Geser]. *TsVRR IMBT. F. Madasona I. N. № 18. Op. 1. D. 68* [Tsvrk IMBT, F. Madasona I. N., № 18, Op. 1. D. 68]. (In Bur.).
- Mikhaylov, G. I. (1962). O vremeni vznikhoveniya bylin mongolskikh narodov [About the time of origin of the epics of the Mongolian people's]. *Zapiski / Kalmytskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii* [Notes / Kalmyk scientific research Institute of language, literature and history], 2. Elista: Kalmytskoye knizhnoye izd-vo. 95—102. (In Russ.).

- Mikhaylov, V. A. (1992). Genealogicheskiye legendy Tunki [Genealogical legends of Tunka]. *Sayany: gazeta* [Sayany: gazeta], 199: 3. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (1988). Ustnoye predaniye v stanovlenii istoricheskoy literatury mongolskikh narodov [Oral tradition in the formation of historical literature of the Mongolian peoples]. In: *Rol' folklor v razviti literatur Yugo-Vostochnoy i Vostochnoy Azii* [The role of folklore in the development of literatures of South-East and East Asia]. Moskva: Nauka. 78—84. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (1992). Bodonchar [Bodonchar]. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world], 2. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 181. (In Russ.).
- Nimayev, D. D. (1993). O srednekovykh khori i bargutakh [About medieval Khori and Barguts]. In: *Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii* [Ethnic history of the peoples of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. 144—166. (In Russ.).
- Potanin, G. N. (1883). *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii: Dnevnik puteshestviya. Materialy etnograficheskkiye* [Essays of North-Western Mongolia: Travel diary. Ethnographic materials], 4. Sankt-Peterburg: tip. V. Bezobrazova i K°. 1029 p.: il. (In Russ.).
- Rashid-ad-din. (1952). *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles], 1 (1). Moskva—Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 219 p. (In Russ.).
- Sharakhshinova, N. O. (1987). *Geroiko-epicheskaya poeziya buryat* [Heroic-epic poetry of the Buryats]. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet. 304 p. (In Russ.).
- Surazakov, S. S. (1982). *Iz glubiny vekov* [From the depths of centuries]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otdeleniye Altayskogo knizhnogo izd-va. 144 p. (In Russ.).
- Tserensodnom, D. (1959). Shilen Galzuu baatar khyy gedeg tuul' [Shilen Galzuu baatar huu gaded tuul]. *Tsog* [Tsog], 4: 95—104. (In Bur.).
- Viktorova, L. L. (1980). *Mongoly: Proiskhozhdeniye naroda i istoki kultury* [Mongols: The origin of the people and the origins of culture]. Moskva: Nauka. 224 p. (In Russ.).